

Глаза Гу Цзицы, подернутые серой дымкой, походили на остывшее пепелище. Голос его, когда он заговорил, был хриплым и безжизненным:

— Я... я опоил её, усыпил. Потом затащил в потайную комнату за спальней и там, заранее припасенным ножом... Да важен ли теперь сам процесс? Человека убил я, этого ли вам мало?

Жун Жо, не сводя с него пристального взгляда, продолжил расспрос:

— А Фу Юдао? Как вы разделались с ним?

Гу Цзицы, казалось, немного расслабился, словно сбросив часть тяжкого груза:

— В ту ночь я дождался, пока он напьется до бесчувствия. Оглушил его, а потом сжег заживо. Тело я оттащил на задний двор лавки семьи Гу. Я хотел, чтобы все узнали, какое злодеяние эти двое совершили против семьи моего старшего брата.

— Где именно вы сожгли Фу Юдао? — быстро спросил юноша.

Гу Цзицы на мгновение замялся, а затем горько усмехнулся:

— Какая теперь разница? Убийца перед вами, он во всем сознался. Стоит ли цепляться к деталям?

Жун Жо не стал настаивать на ответе и задал следующий вопрос:

— Где У Юй?

Гу Цзицы лишь покачал головой:

— Не знаю. Я уже признал вину, и лгать мне нет никакого смысла.

В этих словах чувствовалась правда. Жун Жо перевел взгляд на Ду Цзичана:

— Доктор Ду, раз уж вы знали, что У Юй — ваш племянник, признались ли вы ему в этом?

Старик печально качнул головой:

— Я просто не знал, с чего начать. Я видел, как сильно он привязан к У Хуэйюнь, а на руках у меня не было ни единого доказательства. Как я мог открыть ему правду, не имея свидетельств?

Вопросов больше не осталось. Жун Жо молча отступил к Цзян Ехуну. Тот подал знак Чжао Чэню, и Лао Чжао увел Гу Цзицы под стражу.

На обратном пути Жун Жо хранил молчание, глубоко погрузившись в свои мысли. Цзян Ехун легонько коснулся его плеча:

— Впереди стена. Еще шаг — и лоб расшибешь.

Юноша смущенно улыбнулся:

— Простите, я слишком задумался. Брат Чу, пойдете в спальню У Хуэйюнь. Нужно проверить, существует ли эта «потайная комната» на самом деле.

— Думаешь, Гу Цзицы кого-то выгораживает? — прищурился Цзян Ехун.

— Угу, — кивнул Жун Жо. — Вы ведь и сами заметили, брат Чу: Гу Цзицы хромает. С его ногами он никак не смог бы взобраться на крышу, чтобы устроить для нас то представление с театром теней. Я чувствую, что он что-то скрывает. И еще этот У Юй... Что с ним не так? Никак не возьму в толк, зачем Го Цзяню понадобилось притворяться им.

Цзян Ехун тоже не находил ответа:

— Черт его знает. Сначала поищем тайник.

Они снова вошли в спальню У Хуэйюнь. Жун Жо принялся искать скрытые рычаги, а Цзян Ехун внимательно осматривал углы. Механизм должен был находиться в месте неприметном, но доступном. Цзян Ехун пошарил у изголовья кровати и нащупал под подушкой едва заметный выступ.

— Похоже, здесь.

Он нажал на него, и часть левой стены бесшумно отошла в сторону, открывая узкий проход. Жун Жо зажег огниво и, едва переступив порог, ощутил тяжелый, железистый запах крови. В тайнике хранилось множество дорогих тканей, но всё внимание приковал длинный стол, покрытый пятнами давно засохшей крови.

Жун Жо опустил руку с огнивом пониже и в испуге округлил глаза. Цзян Ехун, заглянув под стол, помрачнел и тут же оттащил юношу назад. Там, на полу, лежали отрубленные пальцы.

Жун Жо смертельно побледнел. Цзян Ехун взял у него огниво:

— Не смотри. Тут есть лестница, она довольно узкая, будь осторожен.

Юноша кивнул, едва переводя дыхание:

— На ступенях следы крови... Будто тело волокли наверх.

Они поднялись по лестнице. Цзян Ехун отодвинул преграду наверху и, посветив огнивом, первым выбрался наружу, а затем помог подняться Жун Жо.

— Это та самая комната, где нашли тело У Хуэйюнь, — огляделся Цзян Ехун. — Теперь понятно, почему на полу не было крови. Вход скрывался прямо под этим столом... Кто бы мог подумать.

Жун Жо смотрел на почерневшие от огня стены:

— Да, кто бы мог подумать...

Он подошел к обугленному окну и подобрал с пола немного серой пыли:

— Почему я решил, что это были марионетки? Театр теней по названию и сути делается из кожи животных. Даже облитая маслом, кожа не сгорает мгновенно. Возможно, в ту ночь мы видели не марионеток, а нечто гораздо более горючее. Гу Цзицы лгал. Неважно, убивал он или нет, но управлял тенями точно не он.

— Согласен, — кивнул Цзян Ехун. — Нужно навестить Го Цзыфана.

Дом Го Цзыфана был увешан кожаными фигурками. Мастер был знаменит на всю столицу, когда-то он даже выступал перед императором, но сейчас старик был совсем плох. Болезнь подкосила его, а известие о смерти Го Цзяня и вовсе лишило рассудка.

— Не стоило мне учить его искусству делать маски из человеческой кожи, — причитал он, обливаясь слезами. — Наставник предупреждал, что это ремесло приносит лишь беды. Это я... я погубил его...

Го Цзыфан снова зарыдал. Жун Жо стало нестерпимо жаль этого человека, потерявшего в юности жену и сына, а теперь лишившегося единственного ученика, которого он вырастил как родного. Юноша помог мастеру сесть:

— Господин Го, вы когда-нибудь видели У Юя?

Старик вытер слезы:

— Нет, не видел. Но Го Цзянь часто о нем говорил. Твердил, что завел друга по имени У Юй, племянника хозяйки швейной лавки. Я просил привести его в гости, на обед, и Го Цзянь всякий раз кивал и обещал, но тот так ни разу и не пришел.

— Вы упоминали, что перед уходом из дома Го Цзянь сделал большую марионетку. Не знаете, для кого?

Го Цзыфан на мгновение задумался, промокая глаза:

— Для какого-то почтенного человека... Ах, да! Для господина Чэня. Чэнь Дунъюаня, владельца рисовой лавки «Дунъюань».

— Господин Го, — мягко проговорил Жун Жо, — мертвых не вернуть. Берегите себя, чтобы дух Го Цзяня мог обрести покой.

Старик лишь безнадежно покачал головой:

— В этом мире у меня не осталось ни души. Лучше уж уйти в землю, к семье. Всю жизнь я не делал зла, не грешил против совести... Почему же все близкие покидают меня? За что мне это?

Жизнь и смерть, превратности судьбы... Жун Жо долго утешал мастера, помогал ему принимать лекарства, кормил с ложечки. В такие моменты трудно было не поддаться его очарованию — кто бы не полюбил столь чуткое и доброе создание?

Затем они отправились в рисовую лавку «Дунъюань». Там они действительно увидели ту самую «большую марионетку». Оказалось, у внука владельца был праздник — первый месяц жизни, и дед хотел сам устроить представление, для чего и заказал фигурку Го Цзяню.

Цзян Ехун, выйдя из лавки, подытожил:

— Го Цзянь действительно сделал две крупные фигуры, но они лишь немногим больше обычных. Их купил лавочник. Значит, то, что мы видели в окне, было вовсе не театром теней.

Жун Жо виновато опустил глаза:

— Я проявил излишнюю самоуверенность. Решил, что раз это марионетки, значит, так оно и есть. Простите меня, брат Чу, я ввел вас в заблуждение.

Цзян Ехун ласково потрепал юношу по голове:

— У каждого бывают ошибки. Не кори себя и перестань извиняться по любому поводу.

— Прости...

— Что я только что сказал? — усмехнулся Ехун. — Не нужно извинений. Ошиблись и ошиблись, главное — вовремя поправить след. Ладно, поздно уже, пора домой.

Жун Жо поспешил за ним:

— Брат Чу, помните ту женщину, что мы встретили у дома У Юя? Она ведь говорила, что мать и сын покинули город после смерти мужа, а спустя время У Юй вернулся один.

Ехун вспомнил ту встречу, и при мысли о словах женщины про «высокого остолопа» у него до сих пор зубы сводило.

— Ну помню, и что с того?

— Куда они уходили? Мне кажется, стоит это выяснить.

— Выясним, — кивнул Ехун. — А теперь — домой. У меня в животе уже от голода урчит.

Дома Жун Жо принялся за ужин. Становилось всё холоднее. Видя, как юноша моет овощи в ледяной воде, Цзян Ехун не выдержал:

— Давай-ка я. Это дело мужское.

Жун Жо удивленно взглянул на него:

— Брат Чу, я сам справлюсь...

— Твои раны еще не зажили, — отрезал Ехун. — А мне всё равно делать нечего. Вдвоем управимся быстрее.

— Что ж, тогда я в долгу перед вами.

Юноша принялся за приправы, а Цзян Ехун вылавливал овощи из воды. Случайно он заметил, что рукава у Жун Жо закатаны, и на его запястьях проступили странные лиловые узоры. Ехун мгновенно перехватил его руку. Эти линии походили на вены, но разве у обычного человека они могут быть такого цвета?

— Это что такое?

Жун Жо вздрогнул, замерев, словно пойманный в силки заяц. В его влажных глазах отразилось смятение и беспомощность:

— Брат Чу, я...

— А-Жо, если у тебя есть тайны, я не стану в них лезть, но... Ладно, это твое личное дело. Не хочешь — не говори.

Жун Жо сам вцепился в запястье Ехуна, глядя на него с мольбой:

— Брат Чу, я не хотел скрывать... Применение магии всегда требует платы. Мое тело не принадлежит к чистокровным шаманам, поэтому я страдаю от магического отката...

Ехун вспомнил дело в деревне Девяти Семей и Гао Юйянь. Неужели магия может сотворить такое и с Жун Жо? Чтобы одолеть живых марионеток, юноше пришлось прибегнуть к колдовству, и ценой стала его собственная плоть. Ехун почувствовал себя последним негодяем: он ведь еще и злился на него, а ведь если бы не Жун Жо, те твари давно разорвали бы его на части.

— А-Жо, неужели ты тоже можешь стать... таким?

Жун Жо покачал головой:

— Не беспокойтесь обо мне, брат Чу. Я нечасто прибегаю к этому. Еще несколько дней — и всё пройдет. Тело немного пострадает, но это не смертельно.

«Терпит боль и молчит, — пронеслось в голове у Ехуна. — Откат выжигает его изнутри, а он ни слова не сказал». От этой мысли сердце Цзян Ехуна сжалось в невыносимой тоске. Он осторожно, едва касаясь, провел пальцами по лиловым линиям на тонком запястье. Юноша замер. Ехун, опомнившись, вспыхнул и резко отдернул руку:

— Я... я что, сделал тебе больно?

Жун Жо торопливо опустил рукава:

— Нет-нет... Просто... у вас руки очень холодные, брат Чу...

Ехун посмотрел на свои ладони — они всё еще были мокрыми от ледяной воды. Краска залила его лицо еще гуще. Он быстро выгреб остатки овощей в корзину:

— Я... я всё вымыл...

— Дальше я сам, — тихо ответил юноша.

Ехун, не смея поднять глаз, присел у печи, чтобы подбросить дров. Отблески пламени играли на его лице, и ему казалось, что жар идет не от огня, а изнутри. Он неловко потянул за ворот халата. «Зачем я схватил его за руку? Вдруг он подумает, что я замышляю что-то недоброе? Он ведь видит во мне лишь старшего брата...» — мысли путались. Он бросил в топку еще одно полено.

Жун Жо приподнял крышку котла:

— Брат Чу, пламя слишком сильное! Не нужно больше дров.

Ехун в панике попытался вытащить лишнее полено. Сноп искр брызнул ему на пальцы. Обжегшись, он вскрикнул, выронил дерево, и оно рухнуло ему прямо на подъем стопы. Ехун принялся отчаянно топтать искры на сапоге, чтобы тот не вспыхнул, но в суматохе наступил себе на ногу так сильно, что едва не взвыл от боли.

Жун Жо мгновенно оказался рядом. Он бережно взял руку Ехуна и легонько подул на ожог:

— Сильно болит? Давайте я смажу мазью...

Ехун чувствовал, что его лицо сейчас просто стгорит. Он не мог вымолвить ни слова, лишь смотрел, как юноша с тревогой вглядывается в его лицо. Жун Жо коснулся его лба прохладной ладонью:

— Брат Чу, да у вас лоб горит! Неужто жар начался?

<http://bllate.org/book/17428/1664168>